

Если затея провалится, он окажется полностью во власти обитателей Башни Весенней реки. В эти времена принуждение к блуду или продажа в рабство — дело обычное. Достаточно иметь нужные связи в управе, замолвить словечко — и никого уже не волнует твоё согласие. Стоит составить договор о продаже в рабство, скрепить его казённой печатью, и жизнь тебе больше не принадлежит.

Если же всё получится и он вернёт Цзиньли былую славу, то вслед за ней сегодня-завтра появятся другие девицы — Цзиньсю, Цзиньсяо...

Стоит хозяевам вывести всю подноготную человека, как они сразу начинают искать способ прибрать его к рукам.

Впрочем, пускай пытаются. Если выкроить время, дело можно наладить. Стоит лишь заработать имя, а ведь в уезде Цзю Башня Весенней реки — далеко не единственное заведение.

Да даже будь оно и так, что мешает замахнуться на другие края?

Хватит ли у здешних заправил сил тягаться с внешним миром?

Кое-что Сы Вэй разузнал заранее: если здешние девицы сумеют скопить достаточно серебра — сумму, равную их цене на самом пике славы, — они имеют право выкупить себя из заведения.

Случалось такое редко, но прецеденты были.

А это значило, что истинный хозяин Башни Весенней реки — не из тех алчных стяжателей, что готовы обобрать до нитки даже покойника. С ним, по крайней мере, можно говорить на языке правил.

Он не был ненасытным чудовищем, готовым сожрать любого с потрохами при первой встрече.

И это давало Сы Вэй столь необходимую передышку для манёвра.

Сы Вэй следовал за старухой Лю по служебным коридорам. Миновав несколько поворотов, они вышли к длинной пристройке, напоминавшей общежитие для прислуги.

Узкий проход, выложенный серыми плитами, едва достигал метра в ширину. Шаг за шагом тянулись одинаковые двери.

За одной из них скрывалась тесная комнатка. Напротив входа теснились четыре деревянные ниши — двухъярусные кровати-коробки. Каждое спальное место со всех сторон закрывалось глухими деревянными панелями, а спереди занавешивалось плотной шторкой, чтобы служанки могли переодеться без лишних глаз.

Если не считать удушающей тесноты, это жилище до странности напоминало современные двухъярусные кровати.

Цинлу уже вернулась с узлом вещей. Стоя на цыпочках, она заталкивала свёрнутый матрас в верхнюю правую нишу. Услышав скрип двери, она обернулась, слегка прищурив круглые, как у оленёнка, глаза.

— Постельные принадлежности я у госпожи Чжао уже забрала. Думала успеть всё застелить, не ожидала, что вы так быстро придёте.

— А вот за имбирной настойкой на кухню сбегать не успела.

Спрыгнув с лесенки, Цинлу принялась рыться в сундуке у своей постели. Достав чистые чулки и туфли, она протянула их гостю:

— Держи, переобуйся скорее. Бегать по такому морозу в сырой обуви — с ума сойти можно. Без ног останешься!

«Будто мне самому хотелось в них ходить»

Он окинул комнату взглядом. Обстановка здесь была спартанской: у подножия каждой постели стоял запёртый сундук, а вот на стулья хозяева поскупились.

От края кровати до двери оставалось от силы пара шагов. На этом пространство заканчивалось.

Даже в прошлой жизни Сы Вэю не доводилось ютиться в такой тесноте — студенческие общежития казались на этом фоне сущими дворцами. К тому же комната была женской, и плотная занавеска на спальном месте оставалась единственным его утешением.

— Ладно, устраивайся пока и ни о чём не беспокойся. С твоей семьёй я всё улажу, — старуха Лю ласково погладила Сы Вэя по голове. — Но и ты не забывай о девице Цзиньли. Подумай, что делать дальше. Чем быстрее начнёшь действовать, тем спокойнее будет на душе у Чуньян. Да и тебе самому за домашних переживать не придётся, верно?

Сы Вэй прекрасно понял скрытый намёк.

— Не беспокойтесь, я всё сделаю.

Всё важное старуха Лю высказала ещё по дороге. Заметив его покладистость, она мимолётно удивилась, но развивать тему не стала. Тепло улыбнувшись, она ушла, пообещав разыскать госпожу Ю и помочь уладить дела его семьи.

День клонился к вечеру. Цинлу оставила Сы Вэя одного в этой тесной, похожей на птичью клетку каморке, чтобы он мог прибраться.

Выданное постельное бельё новой вещью не пахло, хотя ткань оказалась добротной, а швы — на удивление аккуратными. За такой комплект на рынке пришлось бы выложить не меньше сотни медных монет.

Дорогим был и шёлк, и плотная ватная набивка — целый матрас с одеялом, по стоимости сравнимый с парой-тройкой добротных взрослых кафтанов. Вот только по углам виднелись неотстирываемые жёлтые пятна; скорее всего, вещи выкупили за бесценок в какой-нибудь ломбардной лавке.

В этот момент в комнату порывисто вошла Цинлу, держа в руках лакированный туюсок для еды.

— Давай скорее, поешь сначала. Мне потом нужно бежать к госпоже, узнать, придётся ли сегодня дежурить ночью.

Цинлу действовала споро. Не переставая говорить, она сняла крышку: внутри оказались две тарелочки с лёгкой закуской, паровые булочки-маньтоу и палочки для еды, а на нижнем ярусе притаились две чашки с жидкой рисовой кашей.

Она отодвинула стоявший у стены шкафчик и выудила оттуда складную деревянную раму и плоскую столешницу.

Рама разложилась в подставку, сверху легла доска — получилось подобие низкого столика высотой чуть больше ладони.

Из-под нижней кровати она достала два плетёных соломенных мата-пуфика. Обеденный уголок был готов.

Спустившись по лесенке, Сы Вэй устроился на соломенном пуфике напротив Цинлу и взял палочки.

Они были наедине, так что чинным молчанием себя не утруждали. Удивительно, как Цинлу ухитрялась быстро жевать и при этом говорить совершенно разборчиво.

Она рассказывала о местных порядках: кормят в Башне всего дважды в день — в полдень и вечером. Поздний ужин полагался лишь в том случае, если у хозяйки засиживался гость. Тогда остатки пиршества доставались служанкам, но за это приходилось расплачиваться чутким сном — в любой момент господа могли потребовать горячей воды.

Если же гостей не намечалось, обходились обычным рационом. В свободное время служанки выполняли мелкие поручения своих хозяек или тратили личные сбережения на лакомства с

кухни. Если работы не было, жизнь становилась проще: после соизволения госпожи можно было вернуться в каморку и спать до самого утра.

Несмотря на удушающую тесноту, эти четырёхместные комнаты считались привилегией — здесь жили только старшие, доверенные служанки. Младшие девчонки ютились в дальних флигелях на общих нарах по пятнадцать человек.

Но и среди четырёх обитательниц этой кельи согласия не было: каждая служила своей госпоже, и соперничество между ними не прекращалось ни на миг.

Сы Вэй слушал молча, понимая, что Цинлу делится с ним не просто слухами, а правилами выживания.

«Где люди, там и дразги. Древние были правы»

Быстро покончив с обедом, Цинлу выудила из-за пазухи глиняный флакончик, заткнутый намотанной на пробку красной тряпицей — вылитый яд из театральных постановок.

— Здесь настойка. И вот еще, — она отвязала от пояса платок, в котором лежал сочный корень имбиря размером с половину ладони. — Разотри ступни докрасна, обмакни имбирь в алкоголь и втирай эту жгучую смесь прямо в кожу, пока не загорит. А потом сразу лезь под одеяло греться.

— Днём здесь никого не бывает, все при госпожах. Будет время подумать, как нам помочь моей хозяйке...

Цинлу понизила голос.

— Сначала я надеялась хотя бы отвлечь её от мрачных мыслей, дать хоть какую-то зацепку. Но теперь, когда ты побывала у матушки Фэн... С госпожой договориться легко, а вот с матушкой шутки плохи. Чего доброго, она и тебя, чистую домашнюю девочку, заставит отрабатывать долги.

В голосе Цинлу сквозила искренняя печаль, но она привычно и ловко прибирала посуду.

— И зачем ты только сюда сунулась? Мала ведь еще совсем. Пошла бы в ученицы в вышивальную лавку или к портнихе. Потерпела бы пару лет, ремесло освоила — всяко лучше, чем идти в это логово, где людей живьем жрут.

Сы Вэй сидел на соломенном мате. Ставив промокшие чулки, он принялся втирать жгучий сок имбиря в подошвы. На душе у него тоже стало тоскливо, но благодаря врожденной стойкости он быстро взял себя в руки.

— Да ладно тебе. Не будь я в безвыходном положении, разве стал бы цепляться за доброту девицы Цзиньли? Не переживай, её дела теперь на мне. Уж поверь, я знаю, как вернуть ей былую славу.

По правде говоря, Сы Вэй мало волновала пресловутая «девичья честь». Мало того что он лишь временно носил это платье, так даже окажись на его месте современная девушка... пока дело не дошло до настоящей торговли собой, вряд ли кто-то стал бы убиваться по поводу репутации.

Конечно, родился он благородной барышней в знатной усадьбе, всё сложилось бы иначе. Там за подобные вольности любящие родственники быстро бы упекли в монастырь, сочтя умалишённой.

Цинлу тяжело вздохнула, убрала складной столик в щель за шкафом и подняла поднос с посудой.

— Ладно, надеюсь, у тебя действительно есть план. Вечером, если у девицы Цзиньли не окажется гостей, я зайду за тобой. Пойдем к ней и всё хорошенько обсудим.

Сы Вэй согласно кивнул, и Цинлу настойчиво загнала его обратно на верхнюю полку греть ноги.

Он проводил её взглядом. Дверь закрылась, шаги затихли в пустом коридоре, и только тогда на лице его проступила глубокая сосредоточенность.

Зимой дни пролетают незаметно.

Сы Вэй тщательно растёр озябшие ноги настойкой и укутался в одеяло. Усталость после двухчасового перехода по глубокому снегу взяла своё. Пытаясь составить план действий на ближайшие дни, он незаметно для себя погрузился в глубокий, спокойный сон.

Разбудил его резкий скрип открываемой двери — вернулась Цинлу.

Снегопад на улице усилился, дороги замело окончательно, превратив уездные улочки в сплошное ледяное месиво.

В такую непогоду желающих заглянуть в Башню Весенней реки убавилось. Богатые господа предпочитали не выходить из дома, а присылали за девицами слуг, чтобы те улаживали их слух на домашних пирах.

— Только вот слава нашей госпожи уже померкла... Даже прежние покровители заходят всё реже. Кто уехал по делам, кто подался в столицу на экзамены. Повидав большой мир, разве вспомнят они, что в уезде Цзю, в Павильоне Туманов при Башне Весенней реки, их когда-то ждала девица по имени Цзиньли?

<http://bllate.org/book/18280/1758457>